

Анюта в деревне у дедушки. Лето

Артем Новых

Артем НОВЫХ

Анюта в деревне у дедушки. Лето

«Автор»

2026

Новых А.

Анюта в деревне у дедушки. Лето / А. Новых — «Автор», 2026

Анюте восемь лет, и она приехала на всё лето к дедушке с бабушкой в деревню. Здесь всё не так, как в городе: молоко холодное из погреба, умывальник на улице, а за калиткой ждут трое новых друзей — Митька, Дашка и Лёнька. Впереди целое лето. И оно будет настоящим.

© Новых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Анюта в деревне у дедушки	5
Потерялся барашек	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Артем Новых

Анюта в деревне у дедушки. Лето

Анюта в деревне у дедушки

Анюта прижалась носом к стеклу ещё за километр до деревни. Ей было восемь лет, и впереди лежало целое лето. За окном плыли берёзы — белые стволы мелькали ровно, как штрихи, — потом потянулись огороды с тёмными полосами грядок, потом пошли заборы.

Папина машина свернула с асфальта на грунтовку, и сразу затрясло. По кузову застучали мелкие камешки. Анюта засмеялась и схватилась за ручку над дверью — кулак побелел. Коробка с вещами на заднем сиденье съехала вбок и ткнулась ей в плечо.

— Приехали, — сказал папа и затормозил у синей калитки.

Дедушка Анатолий уже стоял во дворе — в клетчатой рубашке, кружка в руке, седые волосы на солнце. Бабушка Людмила вышла следом, вытирала руки о фартук в мелкий цветочек.

Анюта выскочила из машины раньше, чем папа успел заглушить мотор. Под ногами загремели бетонные плитки дорожки, тёплые и чуть пыльные. Она с разгону уткнулась дедушке в живот — в рубашку, пахнущую деревом и молоком.

— Ого, — сказал дедушка. Поставил кружку на столбик забора — та тихонько звякнула. — Вот это гостя приехала.

Бабушка обняла её крепко, поцеловала в макушку. От неё шло тепло и запах печёного — сдобное, ванильное, с корочкой. Анюта зарылась носом в фартук и на всякий случай спросила:

— Бабуль, а что на обед?

— Успеешь, — засмеялась бабушка. — Дай хоть вещи занесите.

Двор был такой же, как в прошлом году. Жулька дремала у будки, свернув хвост калачом, — открыла один глаз, увидела Анюту и приподняла ухо. Кот Васька сидел на крыльце и жмурился на солнце, будто всё лето только этим и занимался. Вдоль забора тянулись огуречные грядки — листья широкие, с пушком, под ними желтели цветки. А подсолнухи у угла дома вымахали такие, что Анюта едва доставала им до пояса. В прошлом году они были ей по плечо.

Папа поставил чемодан с вещами наземь, пожал дедушке руку, они пошли в дом. Папа попил чаю и засобирался обратно — в городе ждали дела. Скрипнула дверь, хлопнула калитка, затих шум мотора за поворотом.

Анюта осталась одна во дворе. Подошла к Жульке, присела на корточки. Жулька ткнулась носом ей в ладонь — нос был мокрый и прохладный — и завиляла хвостом так, что вся задняя часть туловища ходуном пошла.

— Я на всё лето, — сообщила ей Анюта. — Так что привыкай.

Жулька лизнула её в запястье. Где-то за забором проехал трактор — дальний, тархтящий, потом стих. Пахло прогретой землёй и чем-то зелёным, огородным.

Анюта прожила в деревне три дня, прежде чем поняла, что здесь всё устроено иначе, чем в городе.

Утром бабушка Людмила будила её в семь — не будильником, а запахами. Сначала в окно просачивался дым из трубы соседской бани — лёгкий, берёзовый. Потом со двора тянуло свежим хлебом: горячим, с поджаристой коркой. Анюта лежала, смотрела в белёный потолок, по которому ползло утреннее пятно света, и несколько секунд соображала, где находится.

Потом вскакивала и бежала на кухню босиком — пол был прохладный, доски поскрипывали под пятками.

За завтраком дедушка Анатолий объяснял ей устройство деревенского дня. Корову доят рано. Огород поливают до жары. Вечером — прополка. Анюта сидела напротив, локти на столе, кружка с молоком в руках, и слушала серьёзно, кивала.

На второй день она попросилась на огород.

— Можно мне грядку? — спросила она у бабушки. — Свою, чтобы я сама.

Бабушка дала ей ведро для травы и выделила грядку с морковкой. Тёмная земля была мягкая, чуть влажная, на пальцах потом оставалась чёрная каёмка под ногтями. Анюта прополочила грядку за час, перепутала морковную ботву с сорняком и выдрала с десятков всходов — но остальное оставила в целости. Бабушка похвалила её и ни слова не сказала про выдранную морковку.

На третий день Анюта пошла с дедушкой на реку.

Они устроились на низком берегу, где корни ивы выпирали из земли узловатыми коленями. Дедушка Анатолий насадил червя, закинул удочку и замолчал — надолго, как умеют молчать только люди, которым это не в тягость. Поплавок покачивался на тёмной воде. Стрекоза зависла над камышом, потом сорвалась и пропала. Анюта сидела рядом на бревне, гладком и горячем от солнца, смотрела в воду и думала, что в городе такого не бывает: чтобы вот так тихо, только вода плещет под берегом, и никуда не надо.

Домой несли четырёх окуней в ведре — те тыкались в железные стенки, блестели серебряной чешуёй.

На четвёртый день она нашла ребят.

Точнее, они нашли её сами.

Анюта сидела на заборе у калитки, болтала ногами над пыльной дорогой и шурилась от солнца. По улице прошли трое. Мальчишка лет восьми — стриженный, в майке с динозавром, на локте свежая ссадина. За ним — девочка примерно того же возраста, с тугими косичками и сбитыми коленками. Следом тащился мальчик лет шести, прижимая под мышкой облезлый футбольный мяч.

Они остановились и посмотрели на неё.

— Ты к Анатолию Петровичу приехала? — спросил стриженный.

— Я его внучка, — сказала Анюта. — Анюта.

— Митька, — сказал мальчишка и кивнул назад, через плечо. — Это Дашка. Это Лёнька.

Лёнька обхватил мяч обеими руками и смотрел на неё снизу вверх — она всё ещё сидела на заборе.

— Ты городская, — сказал Митька. Сказал спокойно, как говорят про погоду: дождь, не дождь.

— Ну и что? — сказала Анюта.

— Ничего. Городские не умеют ничего.

Анюта слезла с забора. Ноги приземлились в сухую пыль, она почувствовала её тепло сквозь сандалии.

— Чего не умеют?

Митька пожал плечами — лениво, будто отвечать-то и не обязательно.

— Ну. Коров не видели. Рыбу не ловили. Грибов не знают.

— Я вчера рыбу ловила, — сказала Анюта. — Четыре окуня.

— С дедом не считается, — сказал Митька. — Это он ловил.

Анюта набрала воздуха, чтобы ответить, — и тут мяч покатился.

Лёнька упустил его как-то разом: подхватил поудобнее, не удержал, и тот стукнул о сухую землю, прыгнул раз, другой и нырнул в канаву. Лёнька кинулся следом, споткнулся, грохнулся на колени, поднял голову — мяча уже нет, только крапива шевелится по краям.

Все четверо уставились вниз. Канавка уходила глубоко; по склону густо торчала крапива, широколистая, сизоватая. На дне, в жидкой грязи у дальней стенки, лежал мяч — спокойно, как будто никуда и не торопился.

— Достань, — сказал Митька Лёньке.

Лёнька потёр коленку и шмыгнул носом.

— Сам достань.

— Я говорила, сапоги надо было взять, — сказала Дашка и почесала сбитое колено.

— Да тут и без сапог, — сказал Митька. Но вниз не полез, только сощурился на крапиву.

Анюта смотрела на мяч. Рукой не достать — далеко. Ногой в канавку — крапива обожжёт до колена. Нужно что-то длинное.

Она обернулась на двор. У ворот, прислонённые к столбу, стояли дедушкины грабли — длинные, деревянный черенок светлый от солнца.

Анюта принесла их, легла животом на край канавки — трава под локтями была жёсткой и чуть влажной снизу — и сунула черенок вниз. Зацепила мяч, потянула, придерживая пальцами, чтобы не соскочил, подтащила к краю и подхватила рукой. Когда встала, на майке тянулась бурая полоса — земля с глиной, с запахом сырости.

— Держи, — сказала она и протянула мяч Лёньке.

Лёнька взял и несколько секунд смотрел на неё не мигая — как смотрят, когда ещё не решили, удивляться или нет. Митька молчал. Солнце припекало в затылок, где-то за огородами куковала кукушка.

— Грабли, — сказал Митька наконец.

— Ага, — сказала Анюта.

— Умно. — Он произнёс это ровно, без смешка, как отмечают что-то верное в задачке.

Дашка подошла, наклонила голову набок и оглядела полосу грязи на майке — внимательно, по-хозяйски.

— Замочи сразу, пока не высохло, — сказала она. — А то потом не отстираешь.

— Знаю, — сказала Анюта, хотя не знала.

Митька почесал затылок — длинная секунда, пока он что-то там решал.

— Ладно. Мы на луг идём, в футбол. Хочешь?

Анюта пожала плечами — медленно, будто подумывает и то и сё.

— Пойду скажу бабушке, — сказала она.

Луг лежал за околицей, за старой ветлой с тёмным дуплом посередине ствола. Трава там была низкая и жёсткая — вытопанная за прошлые лета так, что кое-где проглядывала серая земля. По краям луга стояли лопухи, но в середине было открыто и ровно. Ворота обозначали две куртки, брошенные прямо на землю.

Играли два на два: Митька с Дашкой против Анюты с Лёнькой. Лёнька носился быстро, только то и дело кувыркался в траву — вставал, отряхивал коленки и снова бежал. Анюта держалась уверенно: в городе два раза в неделю она ходила на танцы, и ноги привыкли слушаться, куда им говорят.

Митька забил два гола подряд — первый пролетел низом у самой земли, второй ушёл в угол так резко, что Лёнька только проводил его взглядом.

— Счёт два — ноль, — объявил Митька громко, развернулся и пошёл к центру, чтобы уж точно слышали все.

— Сами видим, — сказала Анюта.

После третьего гола Лёнька сел в траву, вытянул ноги и сообщил, что устал. Грудь у него ходила часто, колени были зелёными от травы. Анюта встала в ворота. Митька отступил, прищурился, разбежался и ударил — мяч пошёл низко и точно, прямо в правый угол.

Анюта прыгнула. Трава ударила в ладони вместе с мячом; она почувствовала его круглую тугость сквозь пальцы и покатила на бок. Встала, отряхнула руку о шорты.

Митька стоял и смотрел на неё.

— Ты в секции занималась?

— Нет, — сказала Анюта. — Просто прыгнула.

Дашка засмеялась — звонко, запрокинув голову. Лёнька захлопал в ладоши прямо с травы, не вставая.

Митька помолчал секунду. Над лугом плыло облако, тень от него скользнула по траве и ушла за лопухи.

— Нормально, — сказал он и кивнул.

Это было его главное слово — Анюта уже успела понять. Когда Митька говорил «нормально», голос у него становился ровным, без подъёма, как когда подводят черту под решённой задачей. Значит, хорошо. Значит, можно.

Играли до вечера. Солнце опустилось к верхушкам берёз за лугом, трава стала холоднее под ногами, и тени от лопухов вытянулись длинными тёмными языками по земле. Домой шли все вместе — до угла, где просёлок расходился надвое. Митька нёс мяч под мышкой; пыль под кедами поднималась мелкими тихими облачками.

— Завтра с утра на реку, — сказал он. — Мы там плот строим. Придёшь?

— Приду, — сказала Анюта.

Лёнька помахал ей обеими руками сразу и потопал за братом — зелёные колени, развязанный шнурок. Дашка перед тем как уйти обернулась и сказала, чтобы майку правда замочила — строго, но не сердито, как говорят о чём-то само собой разумеющемся.

Анюта свернула к дедушкиному двору, толкнула синюю калитку. Та скрипнула привычно. Бетонные плитки дорожки были ещё тёплыми от дня.

На крыльце спал Васька, свернувшись так, что хвост лежал поверх носа. Из кухни в открытое окно тянуло щами и укропом.

Анюта остановилась посередине двора. Над огородом медленно темнело небо, первая звезда едва-едва проклёвывалась над баней. Где-то за огородами всё ещё куковала кукушка — тихо, последний раз за день.

Лето начиналось по-настоящему. Анюта это точно знала.

Конец.

Потерялся барашек

Утро пахло травой и парным молоком.

Анюта проснулась сама, без будильника. За окном уже светило — не ярко, по-утреннему, — и где-то близко кудахтали курица. Где-то дальше мычала корова — протяжно, сонно. Обычное утро. Анюта натянула шорты, сунула ноги в сандалии и вышла на крыльцо.

Васька спал на своём месте, свернувшись у перил. Жулька у будки завиляла хвостом, но не залаяла — привыкла уже.

На столе под навесом стояла кружка и лежала горбушка хлеба. Бабушка всегда оставляла что-нибудь на утро, не спрашивая. Анюта откусила хлеб, запила молоком из кружки — холодным, прямо из погреба — и огляделась.

И только тогда поняла: что-то не так.

Дедушка Анатолий шёл от сарая к забору быстро, почти бегом. Анюта замерла с кружкой в руке. Она никогда не видела, чтобы дедушка ходил так быстро. Он всегда двигался неторопливо, будто у него всё время в запасе. А тут — спешил, и кружки в руке не было.

Бабушка вышла из дома в фартуке, но не в огород. Она встала посреди двора и посмотрела в сторону луга. Между бровей у неё залегла тонкая морщинка, которой Анюта раньше не замечала.

— Анатолий, — позвала бабушка.

Дедушка обернулся. Они переглянулись — молча, — и дедушка махнул рукой: не нашёл. Анюта поставила кружку.

— Бабушка, что случилось?

Бабушка Людмила помолчала секунду. Потом сказала:

— Зорька пропала.

— Кто?

— Барашка наша. Молоденькая, пёстренькая. С вечера была на месте, а утром — нет.

— Она убежала?

— Или выбралась. Или кто помог. — Бабушка поджала губы. — Дедушка всё утро ищет. Я уже по огородам прошла — нет нигде.

Анюта посмотрела на дедушку. Тот стоял у ворот, смотрел на дорогу и не улыбался. Совсем.

— Я тоже буду искать, — сказала Анюта.

Бабушка кивнула, но так — не отговаривая и не надеясь особенно.

Митька и Дашка сидели на брёвнах у магазина. Лёнька гонял мяч по пыли рядом.

— У нас барашка пропала, — сказала Анюта, подходя. — Зорька. С ночи нет.

— Зорька? — Митька поднял голову. — Анатолия Петровича барашка?

— Да.

— Она белая с коричневым пятном на боку?

— Не знаю. Я её не видела.

— Я видел такую вчера вечером, — сказал Митька. — Они с дедом на луг водили.

— На каком лугу?

— За речкой. Там ещё старая ива упала через воду — мы по ней ходим.

Анюта достала из кармана блокнот. У неё был блокнот с ручкой на резинке — она взяла из дома, на всякий случай. Случай нашёлся быстро.

— Значит, последний раз её видели на лугу за речкой, — сказала она и записала. — Вечером.

Лёнька перестал пинать мяч и уставился на блокнот.

— Зачем пишешь?

— Чтобы не забыть. — Анюта посмотрела на Митьку. — Покажешь, где ива?

Они пошли вчетвером.

Трава у речки была мокрая — роса не высохла. Анюта намочила сандалии сразу, на первых шагах. Лёнька поскользнулся на берегу, но устоял.

Ива и правда лежала через воду — толстая, со сбитой корой. Анюта прошла по ней, балансируя руками. С той стороны открылся луг: широкий, с густой травой по колено.

— Вот тут они паслись, — сказал Митька.

Анюта опустилась на корточки. В траве была примятость — широкая, круглая. Рядом — следы копыт в сырой земле у берега.

— Она точно тут была, — сказала Анюта. — Смотрите.

Дашка подошла, присела рядом.

— А вон там забор Кузьмичёвых, — сказала она и показала в сторону. — Если пролезла — могла к ним уйти.

Анюта посмотрела на забор. Нижняя доска была отогнута — давно, видно, не первый раз так.

— Надо проверить, — сказала Анюта и записала в блокнот: *забор Кузьмичёвых, отогнутая доска.*

Лёнька уже лез под забор.

— Лёнь, подожди! — крикнул Митька.

Но Лёнька уже был с той стороны.

— Тут следы! — донеслось оттуда. — Много!

Двор у Кузьмичёвых был большой и заросший. Старая яблоня, поленница, у стены дома — перевёрнутое корыто.

Следов копыт на земле хватало. Анюта шла и смотрела под ноги. Следы вели вдоль забора, потом поворачивали к огороду.

— Она тут топталась долго, — сказала Анюта. — Видите, как натоптано?

— Может, Кузьмичи её уже нашли? — сказала Дашка.

— Тогда бы дедушке сказали.

Анюта остановилась у огорода. Грядки были перекопаны, в одном месте земля примята сбоку. Рядом — клочок шерсти на нижней жерди старой деревянной загородки.

Белой шерсти. С рыжеватым — как Митька говорил.

Анюта потянула клочок осторожно. Посмотрела на свет.

— Это её, — сказала она.

Лёнька подошёл ближе и уставился на клочок у неё в пальцах.

— Откуда знаешь?

— Белая с коричневым. Митька ещё у магазина сказал. — Анюта убрала шерсть в карман блокнота. — Она здесь была. И пошла дальше.

Они прошли через весь огород. За ним начинался пустырь — высокая трава, бурьян, ржавая бочка у дальнего края.

— Вот там, — сказала Дашка тихо.

За бочкой что-то шевелилось.

Анюта остановила Лёньку за плечо.

— Тихо. Не бежать.

Она пошла первой — медленно, не по прямой, а чуть в сторону, огибая бочку. Так дедушка ходил к лошадям на выгоне — она видела однажды.

За бочкой, в примятой траве, лежала барашка. Небольшая, белая, с тёмным пятном на правом боку. Нога у неё была чуть подогнута — видно, устала и легла.

Анюта присела.

Барашка подняла голову и посмотрела на неё.

— Зорька, — сказала Анюта негромко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.